

Гладилин А.В.
(Россия, Красноярск)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ И НЕНАВИСТИ

Ключевые слова: этнофолизмы, предубеждения, ненависть.

Статья посвящена русским этнофолизмам – пейоративным словам, обозначающим лиц по признаку их принадлежности к этническим, расовым или социальным группам. Обосновывается важность изучения этих слов, определяются сферы их функционирования. Указываются типичные группы-мишени этнофолизмов в современной России. Описываются признаки этнофолизмов как единиц коммуникации, основанной на предубеждениях.

Gladilin A.V.
(Russia, Krasnoyarsk)

LEXICAL MARKERS OF PREJUDICE AND HATRED

Key words: ethnophaulisms, prejudice, hatred.

The subject of this paper are the ethnophaulisms that are pejorative words for individuals based on their membership of an ethnic, racial or social groups. The author proves the importance of studying these words, defines the area of their use, indicates the typical target groups in modern Russia, describes the ethnophaulisms as units of communication based on prejudice.

В данной работе мы попытаемся описать как языковой и социальный феномен особый тип лексических единиц, для именованя которого пока не существует единообразного научного термина. Речь идет о пейоративных словах типа *чурка, хач, быдло, гопота* и т.п. Референтами таких слов могут быть только люди, но, в отличие, например, от пейоративов типа *подлец, тварь, подонок* и т.п., значения интересующих нас слов устроены таким образом, что негативная оценка людей, обозначаемых ими, является обусловленной принадлежностью этих людей к каким-либо национальным (расовым) или социальным группам.

Для того чтобы четко определить предмет исследования, необходимо найти соответствующие термины, которые были бы удобны в употреблении и вместе с тем достаточно точно отражали бы сущность исследуемого явления.

В отечественной лингвистике данная группа лексических единиц до сих пор не являлась предметом отдельного изучения. Имеются, однако, исследования, посвященные смежным явлениям. Так, например, Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, формулируя принципы построения «Словаря современных русских прозвищ», выделяют группу лексики, для которой они используют термин «коллективные прозвища». Авторы пишут: «...Коллективные прозвища охватывают как межнациональные объекты номинации (прозвища представителей разных народов – немцев американцев, итальянцев, цыган и т.п.), так и широко- или узколокальные – вплоть до прозвищ жителей одной деревни или одного дома» [3. С.59].

Авторы приводят такие примеры, как *колбасник, копчёный, фриц, Адам Адамыч* и др. – прозвища немцев; *лягушатник, франк, френч* и др. – прозвища французов; *аллора, макаронник*, и др. – прозвища итальянцев; *китаёз, китаёза, узкоглазый, хань, чайна* и др. – прозвища китайцев; *скобарь* – житель Пскова; *ершеед, капустаник, мякинник, долбёжник* – житель Новгорода; *дровосек* – житель Рузы и т.д. [3. С.59]. Безусловно, данные примеры и единицы, выступающие в качестве предмета нашего исследования, - пересекающиеся множества. Слова *фриц, китаёза, узкоглазый*, бесспорно, принадлежат к интересующей нас категории, однако в остальном множества не пересекаются. Большинство из приведенных примеров не являются пейоративами. Не находят места среди перечисленных авторами разрядов коллективных прозвищ слова, «затрагивающие» различные социальные группы (*быдло, гопота, гомики*) или

женщин (*телки*). Не вполне адекватным предмету нашего исследования представляется определение «коллективные», поскольку оно вызывает стойкие ассоциации с понятием «коллектив». Более того, и сам термин «прозвище», если его понимать в соответствии с дефиницией П.П. Чучки, приведенной в работе Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, весьма далек от сущности предмета нашего исследования: «вид антропонима, неофициальное личное наименование, которым среда индивидуализирует или характеризует лицо» [3. С.55]. Эта дефиниция не только не отражает сущности интересующих нас слов, но и противоречит ей: главное в этих словах – не индивидуализация, а то, что они, называя индивидуума, унижают всю группу, к которой он принадлежит. Все сказанное вынуждает нас отказаться от термина «коллективные прозвища».

На наш взгляд, более удачным является термин «этнофолизмы», поскольку он интернационален, однословен и наиболее полно отражает сущность обозначаемого им явления. Этнофолизм (от др.-греч. ἔθνος — «племя, род» и φαῖλος — «дурной, ничтожный») — негативно окрашенное именование представителя другого этноса. Например, *чурка*, *хач*, *чучмек*, *жид* и т.д. Однако, по нашему мнению, мишенями этнофолизмов могут быть не только представители других народов, но и представители иных «чуждых» социальных групп, в том числе люди той же национальности, что и члены группы, использующей этнофолизм. По нашему мнению, это не противоречит внутренней форме термина «этнофолизм». У древних греков слово ἔθνος имело отрицательную коннотацию и обозначало любое чужое племя или чужой род. Кроме того, и в современном дискурсе элемент *этно-* может обозначать не только какие-то чужие этносы: к примеру, выражение «этнографические исследования» употребляется не только по отношению к исследованиям каких-то экзотических народов, но и по отношению к различным социальным группам того народа, к которому принадлежит исследователь.

Необходимо отметить, что среди определенной части российских лингвистов бытует мнение о том, что слова подобного рода являются так называемыми грубыми просторечными ругательствами, близкими к обценной лексике; являясь уделом маргиналов, они находятся на периферии как системы национального языка, так и процессов, происходящих в обществе, а следовательно, не достойны внимания исследователей.

На наш взгляд, это мнение неправильно. Действительно, такие слова выглядят и звучат довольно грубо. Этнофолизмы принадлежат к той категории лексических единиц, от которых, как сказано в одной старой английской монографии, у благовоспитанных людей «стынет кровь» и «появляется гусиная кожа» [11. С. 387]. Однако современные лингвисты знают, что между означающим и означаемым языковой единицы (Ф.де Соссюр) не существует прямой связи, и эффект гусиной кожи вызывают не слова, а вещи, которые они обозначают, или отраженное в словах отношение людей к этим вещам.

Этнофолизмы связаны с такими негативными явлениями, присущими человеку, как социальные стереотипы, предубеждения и дискриминация. Во времена Советского Союза в связи с доминирующими тогда идеологическими установками считалось, что у советского человека нет и не может быть национальных предубеждений, а расизм и ксенофобия – это типичные «язвы капитализма». Возможно, пренебрежительное отношение некоторых лингвистов к интересующей нас лексике обусловлено этой «советской» инерцией.

Пейоративные наименования лиц по признаку их принадлежности к национальной или социальной группе существовали в русском, впрочем, как и в любом другом языке, всегда. Об этом свидетельствует этимология некоторых современных, вполне нейтральных этнонимов: ср., например, *немец* первоначально «немой, не способный к коммуникации, чужой человек». У Гоголя в повести «Ночь перед Рождеством» черт, укравший месяц, похож на немца. «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец», – поясняет Гоголь [2].

Старые русские названия многих малочисленных народов России имели пейоративный характер, например, *чухонцы*, *лопарь*, *самоеды*. Имеются пейоративные коннотации и у некоторых современных русских этнонимов, например, *чукчи*, *нанайцы*. Многовековую

историю имеет заимствованное из польского языка слово *быдло*, которое первоначально означало «крупный рогатый скот».

С давних пор передовые представители человеческой цивилизации призывали людей отказаться от социальных и национальных предрассудков, как и от слов, их выражающих. Достаточно вспомнить евангельский идеал, сформулированный Апостолом Павлом в Послании к Колоссянам два тысячелетия назад: «...Нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Синодальный перевод).

Имеются и более приземленные, и более близкие к нам, с точки зрения места и времени, примеры.

В 30-х годах прошлого века знаменитый детский писатель К.И. Чуковский писал: «С величайшей гордостью вспоминают советские люди, как чудесно обновила наш язык революция. Она очистила его от таких омерзительных слов, как *жид*, *малоросс*, *инородец*, *простонародье*, *мужичьё* и т.д. Из действующих слов они сразу же стали архивными» [8].

К сожалению, великий сказочник ошибался. Отнюдь не все из перечисленных им слов действительно стали архивными. Более того, за годы советской власти появилось немало новых слов подобного рода.

Не дала избавленья от них и последняя русская революция.

В своей речи на первом «перестроечном» съезде народных депутатов СССР в 1989 году поэт Евгений Евтушенко говорил: «... Нелегко сеять семена перестройки в землю с трещинами национальной розни... Дружбу народов надо начинать даже не со школы, а еще с детсада, с улицы, с автобуса, с магазина, где еще, к позору нашему, то и дело можно слышать такие оскорбительные для национального достоинства выражения, как *хохляндия*, *кацап*, *жид*, *армяшка*, *чучмек*, *чухонец*, *кацошка* и так далее» [4].

Но перестроечные надежды поэта не оправдались. Предубеждения и дискриминация остались спутниками жизни россиян 21-го века, как и дискурсивные маркеры предубеждений – пейоративные слова, обозначающие лиц по признаку их принадлежности к национальным и социальным группам.

Более того, если во времена Советского Союза слова, которые перечислил Е. Евтушенко, и им подобные можно было услышать только в неофициальной устной речи, то «великая коммуникативная революция», вызванная появлением глобальных компьютерных сетей, коренным образом изменила ситуацию. Сейчас такие слова стали вполне обычным явлением в продуктах СМИ. Причем их можно встретить не только в «приватных» текстах, то есть на страницах блогов, форумов, социальных сетей и т.п., но и в материалах некоторых официальных, «зарегистрированных» СМИ. Ср., например, некоторые заголовки: «А как по-русски будет «чурка»?» (материал о законопроекте об учреждении экзаменов по русскому языку для мигрантов) [7]; «Боевая чурка империи» (материал о рассмотрении в суде дела Расула Мирзаева [6]; «Путин и «чурки» (о недостаточных, по мнению автора, мерах, принимаемых властями для борьбы с бытовым расизмом) [1]; «Исповедь «чурки» (о том как женщина-мигрант из Узбекистана написала автобиографическую книгу, ставшую бестселлером) [5].

Словарные единицы подобного рода стали появляться и в публичной устной речи. Так, участники телепрограммы Первого Канала «Пусть говорят» (выпуск от 27.03.2012) при обсуждении просмотренного сюжета, одним из персонажей которого был человек «неславянской внешности», три раза употребили слово *чурка*, причем одно из этих употреблений принадлежало ведущему А.Малахову. Присутствующий среди гостей программы депутат Государственной Думы использовал в этой ситуации более мягкую, но тоже не лишённую национальных стереотипов конструкцию: «Этот человек спустился с гор...».

Все эти факты говорят о том, что пейоративные лексические единицы, обозначающие лиц по признаку их принадлежности к национальным и социальным группам, не является неким маргинальным явлением, не достойным внимания исследователей.

По нашему мнению, изучение русскоязычных дискурсивных практик, основанных на предубеждениях и дискриминации – одна из самых насущных проблем отечественного языкознания в настоящее время, прежде всего потому, что расизм, ксенофобия и социальная ненависть – глобальные проблемы, изучение которых занимает одно из важнейших мест в повестке дня современных гуманитарных и социальных наук.

Есть и более близкие для отечественных лингвистов проблемы. В связи с расширившейся в последние годы в России судебной и правоохранительной практикой, связанной с делами об экстремизме, лингвисты (можно сказать, в массовом порядке) стали привлекаться к лингвистической экспертизе «подозреваемых» в экстремизме текстов. Поскольку указанные лексические единицы являются маркерами национальной и социальной розни, их всестороннее исследование будет способствовать выработке объективных методов судебной лингвистической экспертизы и повышению ее качества.

Русские этнофолизмы, обозначающие людей различных социальных групп, высвечивают «магнитные поля ненависти», существующие в нашей стране в настоящее время и существовавшие в другие эпохи. Так, кто-то из современных жителей Москвы может называть современных московских гастарбайтеров – выходцев из Средней Азии – *чурбанами* и *чучмеками*, что обнажит одно из самых больших и болезнетворных «полей» ненависти в современной России – национализм. Но этот же москвич может вспомнить, что 3 – 4 десятилетия назад московские гастарбайтеры были выходцами не из Таджикистана и Узбекистана, а из Нечерноземья, Поволжья, Урала, Сибири и т.п., и большинство из них составляли русские, а возможно, и наш герой был одним из них. В те времена некоторые коренные москвичи называли этих людей словом *лимита*, которое имеет все признаки этнофолизма. Это слово стало одним из символов советской эпохи. Оно вошло в фольклор, например, в анекдоты и песни тех времен, а в начале 90-х был снят художественный фильм с одноименным названием.

Еще одно «поле» ненависти, получившее, на наш взгляд, в последнее время особенное напряжение в нашем обществе, являясь неким инвариантом, может быть спроецировано на разные плоскости социальных отношений: на отношение элиты к «простым людям»; жителей столицы к провинциалам; интеллигенции к «народу»; «золотой молодежи» к детям рабочих окраин. Это «поле» проявляется в таких этнофолизмах, как *быдло*, *совок* и *колхоз*.

Другое «поле» – это ненависть «нормальных» граждан к социальным низам: *бичи*, *бомжи*, *алкаши*, *нищета*, *гопота*. Существуют и политические поля ненависти, подробное описание которых потребовало бы много места и времени, поэтому ограничимся самыми свежими, по нашему мнению, примерами – *либераст* и *толераст*.

Во всех обществах и во все времена мишенями для этнофолизов были гомосексуалисты, умственно отсталые и старики. И это далеко не полный список областей напряжения в социальных отношениях и социальных групп-мишеней, для обозначения которых используются этнофолизмы.

Этнофолизмами могут быть не только слова, но и сообщения, переданные другими медиумами: карикатуры, картины, фотографии, обработанные программами типа «Photoshop», бананы, брошенные в черных футболистов; а также сообщения, медиумом которых является человеческое тело: обезьянье «уханье», иногда сопровождаемое обезьяньим «танцем», которое практикуется некоторыми болельщиками при выходе на футбольное поле чернокожего футболиста, сексистский «танец», который исполняют иногда некоторые представители сильной половины человечества, пытаясь карикатурно изобразить женскую походку и женские манеры.

Тем не менее чаще всего в роли этнофолизов выступают слова естественного языка, и говоря об особенностях этнофолизов, мы будем прежде всего говорить о словах.

Первая особенность этих слов заключается в том, что этнофолизмы выступают в качестве мощного средства категоризации. Этнофолизмы стимулируют мыслить мир людей в терминах ингрупп и аутгрупп. Они делят этот мир на «мы» и «они»: «...простое существование

непохожих других неизбежно несет в себе угрозу, потому что непохожие другие угрожают консенсуальной валидации, которая нам требуется, чтобы поддержать веру в тот способ, которым мы конструируем мир»[9. С.76 – 77]. Таким образом, осуществляя категоризацию и подчеркивая различия между ингруппой и аутгруппой, этнофолизмы увеличивают потенциал членов ингруппы для враждебности к тем, кого эти слова обозначают.

Вторая интересная особенность этнофолизмов – это их способность концентрировать, сжимать в себе, то есть в одном слове, все негативные стереотипные убеждения, ассоциирующиеся с группой. Именно по этой причине они являются сильнодействующим коммуникативным инструментом. Эти слова имеют способность превращать концепты, которые они обозначают, в нечто такое, что кажется реально существующим в мире. Например, среди русских существуют негативные убеждения и эмоции по отношению к выходцам из Средней Азии и Кавказа, но слово *чурка* кристаллизует эти убеждения в концепт или прототип, который имеет статус конкретной реальности для тех, кто использует это слово.

Кроме того, этнофолизм именуется аутгруппу безотносительно к ее национальной принадлежности, культуре и истории, тем самым удаляя любые ассоциации с какими-либо позитивными чувствами, связанными с данной аутгруппой. Таким путем члены аутгруппы дегуманизируются, то есть осознаются не как человеческие существа, имеющие какую-либо географическую, национальную или культурную принадлежность, но скорее как некие недочеловеческие создания (*чурки, хачи, чуреки, чучмеки* и т.д.)...

Еще одна особенность этнофолизмов состоит в том, что они делают людей, их употребляющих, «когнитивными скрягами» (*cognitive misers*) [10. С.5]. Стереотипы представляют мир более предсказуемым путем компактирования информации, исходящей из мира, в определенным образом размеренные юниты. Этнофолизмы есть языковые формы выражения некоторых из этих юнитов. Уникальные атрибуты определенных личностей теряются в процессе компактирования. Так, стереотипное восприятие, к примеру, бездомных (стимулируемое этнофолизмами типа *бичи, бомжи*) заставляет людей думать о них только как о грязных спившихся лентяях, оставляя в стороне все остальные человеческие качества этих людей. Таким образом, этнофолизмы обеспечивают экономию когнитивных усилий. Думая о бездомных в простых стереотипных терминах и ведя себя по отношению к ним так, как предписывает стереотип, человек имеет больше времени для выполнения других задач. Приводя пример с бездомными, Дж. Рашер так пишет о человеке, стереотипно их воспринимающем: «Если бы он считал бездомных такими же людьми, как он сам, то вместо того, чтобы заниматься инвестициями, он чувствовал бы себя обязанным стать волонтером на благотворительной кухне или писать письма конгрессменам о бедах бездомных»[10. С.5].

Данная статья – только начало большой работы по исследованию этнофолизмов. Необходимо всесторонне изучить их семантику и прагматику, выявить закономерности их формирования и функционирования в различных дискурсивных практиках, а также исследовать этнофолизмы как один из индикаторов взаимодействия между дискурсивными и социальными практиками.

Список литературы

1. Геворкян Н. Путин и «чурки»// Газета.ру / Н. Геворкян. – 10.07.2002. – URL: <http://www.gazeta.ru/kolonka.shtml>
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Часть вторая Ночь перед Рождеством/ Н.В. Гоголь. – URL:<http://ilibrary.ru/text/1088/p.24/index.html>
3. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Русские прозвища как объект лексикографии// Вопросы ономастики/ Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – 2005. – № 2. – С .53-69.
4. Евтушенко Е. Евгений Евтушенко на горбачевском съезде. Видеозапись/ Е. Евтушенко. – URL: <http://vimeo.com/2333118>
5. Радулова Н. Исповедь «чурки» // Огонек/ Н. Радулова. – №22. – 2007. – URL: <http://www.ogoniok.com/4998/36/>

6. Семенов А. Боевая чурка империи// Русский обозреватель/ А. Семенов. – 23.08.2011. – URL: <http://www.rus-obr.ru/blog/13158>
7. Трифонова Е. А как по-русски будет «чурка»?// Слово без границ/ Е. Трифонова. – 23.10.2012. – URL:<http://wordyou.ru/v-rossii/a-kak-po-russki-budet-churka.html>
8. Чуковский К. Живой как жизнь/ К. Чуковский. – Москва: Молодая гвардия. – 1962. – URL http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/LANG/LANG_2.HTM.
9. Greenberg J., Kirkland S., Pyszczynski T. Some theoretical notions and preliminary research concerning derogatory ethnic labels // Discourse and discrimination/ J.Greenberg , S.Kirkland, T. Pyszczynski . – Detroit, Michigan, 1988. – P.74-93.
10. Ruscher J. Prejudiced Communication/ J. Ruscher. – New York, 2001. – 243 p.
11. Wyld H. C. A history of modern colloquial English/ H.C. Wyld. – Oxford: Blackwell, 1920. – 398 p. URL: <http://archive.org/stream/historyofmodernc00wylduoft#page/397/mode/1up>.